

Анна Голубицкая

Коммуникационный аспект концепта «кафолическое время» Г. В. Флоровского

У статті розглядається проблема комунікативної складової концепту «кафолического часу» Г. В.Флоровського.

Ключові слова: комунікація, кінонія, кафолический час.

The article analyzes current debates around the communication aspect of religion. The temporal aspects of this problem are considered. Basic attention is given Florovsky's temporal conception. The author presents the original view on a temporal concept "catholic time". Content and mechanisms of "catholic time" are investigated in this article. Its peculiarities, the role in the life of the Church are analyzed. The interrelationship of time, communication and liturgy are emphasized. The inter-generational dialogue of as a form of communication is in the centre of analysis.

Key words: communication, koinōnia, catholic time.

Коммуникационный аспект религиозной сферы достаточно изучен. Сегодня можно выделить такие основные направления изучения проблемы коммуникации в религиозной сфере:

- функциональное направление, то есть в контексте рассмотрения Церкви как организации и её функций в современном мире (Н. Луман, Я. Хермелинк, Г. Вагнер, К. Ф. Дайбер и пр.);

- изучение религиозной составляющей философии диалога (как с иудейскими, так и с христианскими коннотациями) Г. Когена, М. Бубера, Ф. Розенцвейга, Э. Левинаса, Юзефа Тишнера и пр. Ре-

лигиозному аспекту философии диалога посвящены исследования Я. А. Ключковского, А. В. Яспольской, Е. А. Костровой, Ш. А. Сокулера, А. С. Филоненко, Д. А. Зиборовой и др. Особо перспективным для изучения является исследование православной мысли т.н. «богословие общения» (о. Николая Афанасьева, о. Александра Шмемана, митр. Антония Сурожского, м.Марии Скобцовой, митр. Иоанна Зизиулуса, Христоса Яннараса, Георгия Мадзаридиса, Панаиота Нелласа, прот. Александра Меня, прот. Георгия Чистякова, С.С.Аверинцева, А.С.Филоненко и др.); католической экклезиологии общения (Анри де Любака, Ива Конгара, Жана-Мари Роже Тилляра и др.); протестантской экклезиологии общения (например, Д.Бонхёффера и пр.);

- исследования экуменизма как формы межконфессиональной коммуникации. Экуменизм является предметом междисциплинарных исследований: изучается философами, богословами, религиоведами, специалистами в сфере социальных коммуникаций и пр. (начиная с В.С. Соловьёва, Г.В.Флоровского, о.С.Булгакова, Ж.Маритена, Г.Г.Кульмана, П.Тиллиха, П.Андресона. Дж. Мотта и вплоть до современных штудий А.И.Осипова, Л.А.Успенского, о.В.Борового, о.А.Кураева, С.К.Рижных, А.А.Панкова; О.Л. Максименко, Я.М.Осыки, А.В.Куксовой, А.О.Фирсова и др.);

- анализ коммуникации мировоззренческих дискурсов: научного и религиозного (например, Л.Полкинхорна и пр.), атеистического и религиозного (А.В.Лапина, Ю.Ф.Борункова, Д.Н.Майорова и пр.);

- исследование коммуникационных проблем религии, Церкви в условиях секуляризма (П.Бергера, Т.Парсонса, О'Ди, З.Баумана, Э. Гидденса, Р.Белла, Ч.Тейлора и др.);

- исследование межконфессионального отчуждения (Б. Бабаджанов и др.);

-исследования коммуникационных проблем религии, Церкви в условиях глобализации и мультикультурализма (от классиков общей теории глобализации Дж.Сороса, Ю.Хабеманса до более узких, специализированных исследований Э. Наджафова, К.Л.Ерофеевой, Т.В.Излученко, Е.С.Элбакян, и др.);

- анализ специфики религиозных СМИ (работы А.В. Щипкова, М.Л.Щевченко О.П.Чернега, А.Н.Кашеварова, Д.Посредникова, Т.Антошевского, А.Морозова, и др.)

Однако, несмотря на столь богатую тематическую палитру, остаются лакуны в исследовании различных аспектов коммуникационной составляющей религиозной сферы. Одним из таких наименее изученных вопросов является, в частности, темпоральный аспект коммуникации, межпоколенческое взаимодействие в религиозном опыте и пр., что придаёт достаточную актуальность теме нашего исследования.

Ещё известный филолог, православный мыслитель С.С.Аверинцев писал, что наше время как никогда ощущается «активная заинтересованность в том, чтобы как можно больше приблизить генерационное разобщение к теоретической и фактической абсолютизации» [1, с. 420]. Задолго до С.С.Аверинцева другой православный мыслитель XX века, Г.В.Флоровский подверг ещё более глубокому осмыслению проблему взаимодействия и коммуникации поколений, связи времён и пр. Эта тема стала ключевой не только в его известной работе «Разрывы и связи», но и оказалась одним из лейтмотивов всего его творчества.

Георгий Васильевич Флоровский (1893-1979) – выдающийся философ-одессит, историк русской религиозной мысли, один из наиболее влиятельных богословов XX века, а также ярчайшая фигура в истории становления движения экуменизма. Флоровский вместе с о.И.Поповичем и о. В.Кривошеиным является основоположником т.н. «неопатристического синтеза» – магистрального направления современного православного богословия.

Однако мы ограничены форматом данной публикации, поэтому вынуждены сфокусировать внимание лишь на одном аспекте его творчества – концепте «кафолического времени». Целью нашей статьи будет продемонстрировать коммуникационную составляющую как фундаментальное основание концепта «кафолическое время».

Для Флоровского кафолическое время – это и есть «встреча», «сборность временного целого» [15], «постоянное настоящее», «единстве веков» [10], темпоральная реальность, в которой устранены разрывы между поколениями и существует коммуникация, полемика или, как отмечает сам Флоровский, *Auseinandersetzung* [17, с. 102].

Важно сразу отметить, что коммуникация в данном случае – понятие, принципиально не тождественное интерпретации коммуникации, например, Н.Луманом и многими другими теоретиками ком-

муникативистики. Для Флоровского коммуникация – нечто более фундаментальное, нежели просто «элементарная социальная операция», триединство информации, её передачи и понимания/непонимания. Для Лумана коммуникация «не связана с сознанием или жизнью», однако, для Г.В.Флоровского экзистенциальный, феноменологический, даже онтологический аспект коммуникации оказывается принципиальным. Смысл неразрывен от жизни – именно такая позиция обуславливает и его специфику методологии построения истории религиозной философии, богословия и т.д.

Если воспользоваться типологией экклезиологических моделей кардинала Эйвери Далласа (институция, общение, Таинство, провозвестница, служанка), то саму Церковь Флоровский воспринимал как «таинственное общение» [4]. Этому посвящены многие его работы, в частности статья «Социальная проблема в Восточной православной церкви». Динамическая антропология мыслителя также тесно связана с его идеей коммуникабельности как фундаментальной характеристики бытия. В соборном опыте Церкви, в опыте евхаристического общения, в подвиге, полагал мыслитель, происходит трансформация личности: «расширение личности, включение многих чужих «я» во внутреннее «я», обретение множества в самом себе» [8].

Наиболее соответствует пониманию мыслителем сущности коммуникации античный концепт кoinонии. «Сам по себе данный термин не является ни христианским, ни религиозным. Перевод *koinōnia* как «общение» не совсем адекватно передает значение греческого термина, поскольку, как отмечает Дж. Кэмпбелл (J. Campbell), «главной идеей, выражаемой термином *koinōnos* и родственными ему словами, является не общность с другой личностью или личностями, но соучастие в чем-то, в чем принимают участие также и другие». Можно было бы перевести это слово как «соучастие, соработничество, сотрудничество» (ср. греч. *synergia* — «соработничество, сотрудничество» [6]).

Сам концепт кафеолического времени является одним из столпов его концепции кафеоличности Церкви и сформирован под большим влиянием наследия отцов Церкви, тюбентской теологии Мёлера, воспринятой через славянофилов (в частности, И.А.Кириевского, А.С. Хомякова).

«Кафолический опыт <...> включает (не одинокое мистическое сознание) <...> видение того, что совершается и было совершено, видение мистического торжества над временем, кафолическую полноту времени. Церкви не ведомо забвение», – пишет Г.В.Флоровский в «Кафоличности Церкви» [15]. Идея «кафолически преображённого» времени, в котором преодолевается темпоральная деструктивность и дискретность, все три модуса (прошлое-настоящее-будущее) представлены одновременно, одномоментно и находятся в постоянном общении, становится центральной в его темпоральной концепции в целом.

Справедливости ради отметим, что подобная идея даже в рамках самой неопатристики развивалась и другими мыслителями, например, о.Иустином Поповичем, в частности, работе «Догматика Православной Церкви: Экклесиология».

Идея соборности времени Флоровского или, как сам её обозначает мыслитель, «всеременного единства» [11, с.242], отличная от идеи вечности (последняя безначальна [16]), находит своё основание в библейских текстах, в литургике и экклесиологии отцов.

Писание неоднократно предлагает нам идею одномоментности и некой диалогичности модусов времени. Достаточно вспомнить небызвестные слова евангелиста Луки: «Бог не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк.18:27). Для апостола Павла суть литургии заключается, в личном участии каждого присутствующего на ней в событиях искупительной жертвы Христа. Таким образом, соборно преображённое время в литургическом опыте оказывается неразрывно связано с проблемой памяти, анамнезиса. «Анамнезис и евхаристия связаны неразрывно<...> – это две стороны одного акта», – отмечает Флоровский [10, с.725]. Идея молитвенного общения поколений между собой и Богом, не ограниченное темпоральными и пространственными границами, – краеугольный камень всей восточнохристианской литургической практики (при этом саму литургическую практику в данном контексте мы понимаем в её широком значении – как любое богослужение, совершаемое общиной). Здесь проблема времени теснейшим образом оказывается связана с проблемой исторического нарратива, в качестве которого можно рассматривать и литургические тексты. Сам термин «литургия» в переводе с греческого обозначает «служение»,

«общее дело» – общее для представителей разных эпох, концов света. И здесь принципиальным оказывается унифицированный (с XII века) чин литургии для православных, что призвано придавать ещё большую «сообщённость» поколениям. «В Евхаристии снимается грань смерти, грань смертельного разлучения – усопшие соединяются с живущими... Не есть только воспоминание, но <...> видение, созерцание», – пишет Г.В.Флоровский [12, с.16]. В конечном итоге, отмечает мыслитель, евхаристия есть ничем иным, как «победой над разделяющим и убегающим временем» [12, с.20]. И здесь Флоровский опирается на интенцию Максима Исповедника.

Проблема соборности времени оказывается связана с темой свидетельства. Свидетельство выступает как необходимое условие удержание кафолического времени, всевременности (не в карсавинском её понимании) в едином модусе «настоящее-будущего-из-прошлого». Это шаг к нарративной теории истории, к герменевтике истории. В истории происходит обмен свидетельствами как нарративами, складывающимися в единый метанарратив священной истории (метафора пучка-веера). Здесь мы сталкиваемся с нарративной теорией времени, отмеченной Д.А. Клеповым [5].

Идея обмена свидетельствами и одновременного соприсутствия разных поколений в Церкви обнаруживается и в патристике, в частности в концепции кафоличности Церкви (правда идея кафоличности времени первоначально заложена в ней как потенция мало развита). Впервые термин «кафоличность» встречается у Игнатия Богоносца в его Послании к Смирнской Церкви: «Где будет епископ, там должен быть и народ, так как где Иисус Христос, там и кафолическая церковь». Концепция Игнатия базируется на евхаристической экклезиологии, согласно которой Церковь пребывает в местной Церкви потому, что евхаристическая община есть Тело Христово в полноте и единстве. Однако судя потому что Игнатий не даёт каких-то специальных уточнений относительно термина «кафоличность», можно сделать вывод, что на тот момент он уже был активно введён в терминологический оборот христианской мысли. Вероятно тогда термин «кафолическая» употреблялся в несколько более узком смысле и означал полноту Церкви лишь при наличии в ней наряду с мирянином и епископа.

Для самого же Флоровского собор являлся не столько институциональным «каноническим установлением, сколько «харизматическим событием» [9, с.297], а соборность – евхаристическим «таинством общения» [7].

Однако в контексте темы нашего исследования нас интересует не столько генезис и развитие термина «кафолический», сколько проблема внутрицерковного межпоколенческого, межэпохального общения.

Екклесиология Флоровского с её характерной идеей кафоличности времени и пространства формировалась не столько под непосредственным влиянием святоотеческого восточнохристианского наследия, сколько по замечанию Н.К. Гаврюшина [3, с.282-283], вдохновлялась творчеством католического богослова из Тюбнгена Иоганна Адама Мёлера (1796-1838), которое было воспринято опосредовано, через работы И.В.Киреевского (1806-1856) и А.С.Хомякова (1804-1860). Оба этих мыслителя импонировали Флоровскому опытным характером мысли [14, с.271], тем, что являлись не столько конструкторами умозрительных построений, сколько, по его мнению, свидетелями, «очевидцами» реальности Церкви. Обращению к наследию Мёллера, ставшей стимулом его «екклесиологической рефлексии», Флоровский, по мнению Гаврюшина, способствовало два фактора: над рецензией на книгу И.А.Мёлера, которая была опубликована в апрельском №7 журнала «Путь»; участие в экуменическом коллоквиуме Н.А. Бердяева [3, с.282-283].

В рецензии на книгу Мёлера мы обнаруживаем несколько принципиально важных идей тюбингского мыслителя, которые затем будут привиты Флоровским к древу его собственной концепции времени. Это:

- идея живой непрерывной памяти;
- идея времени Церкви как единства прошлого и будущего в настоящем;
- вычленение коммуникативной составляющей соборного времени, т.е. идеи общения верующих всех эпох. Эти три составляющие есть основания преодоления природного времени и являются свидетельством о полноте кафоличности.

Что касается обращения к творчеству А.С.Хомякова, в наследии которого, по мысли Флоровского «есть несомненное сродство с Мёлером» [13, с.270], то данный представитель славянофильства оказал заметное влияние на формирование всей концепции «нео-

патристического синтеза» со всеми её темпоральными коннотациями. Возврат к Отцам Флоровского как нельзя лучше можно пояснить идеей А.С.Хомякова, согласно которой «согласие с прошлым» есть только последствие верности целому; оно просто выражение постоянства соборного опыта среди изменчивых времен» [цит.15].

Идея соборности времени оказывается возможной во многом благодаря восточнохристианской экклезиологии с её концепцией Церкви как Тела Христа. Например, в исламе также чрезвычайно развито чувство взаимопричастности и коммуникации – оно находит своё выражение, прежде всего, в концепции, «людей единой точки» («people of the point»). Верующие в исламе уподобляются «спицам», исходящим «из единого центра». Эту сообщённость мусульман призван подкреплять и ритуал (например, хадж как паломничество к «единому месту встречи», молитвенная практика и пр.). Однако данная идея игнорирует темпоральный аспект связывает эту целостность с конкретной географической точкой, т.е. Меккой. Это пространственная связь, прежде всего. Реальная межличностная коммуникация, преодолевающая человеческую предельность, здесь скорее вытесняется понятием солидарности.

Очевидной является связь проблемы кафолического, «соборного» (Авт.) времени и проблемы т.н. «Живого Предания», «цветущего установления» [16, с.100]. Генезис концепции Живого Предания достаточно глубоко представлен в статье Пола Валлиера «Пределы Предания» [2]. Как отмечает исследователь, сама концепция, как не парадоксально, зародилась в рамках в некотором смысле оппозиционной неопатристике софиологии. В 1937 году мыслители этого направления опубликовали сборник «Живое Предание: Православие в современности», который как раз должен был защитить идеи Булгакова от нападков его оппонентов, отстаивать право на свободное творчество религиозного мыслителя.

Как и Булгаков, Флоровский указывал не только исторические источники христианства, но и харизматические и мистические. Для него Предание – неизменная и живая связь с полнотой соборной жизни. Это и сама жизнь Церкви, и образ всевременной церковной природы. Предание – внутренняя харизматическая (мистическая) память Церкви, связанная с историческим событием Пятидесятницы.

С проблемой соборности времени, таким образом, оказывается

сопряженной проблема памяти – одна из значимых в современной коммуникативистике (хотя для мыслителя память опять же – это нечто большее, нежели просто социальная память, исследованию которой посвящены многие исследования в сфере социальной коммуникации). Характерной чертой христианской концепции памяти является наличие многоуровневой её классификации. Прежде всего, христианские авторы различают память христианскую и секулярную, как две разных системы координат, в одной из которых присутствует Бог, а в другой – нет. Также разделяют социальную, историческую (первые две часто отождествляют) и индивидуальную память, хотя эти аспекты памяти исследуются значительно меньше христианами мыслителями.

Итак, идея коммуникации модусов времени, поколений – ключевая характеристика концепта «кафолического времени», который является своеобразным ключом как к концепции «экуменизма во времени», так и всего проекта «неопатристического синтеза» мыслителя. Коммуникационный аспект религиозного опыта в современной православной мысли с его темпоральными коннотациями не нашёл должного развития. Однако связь онтологии, этики и антропологии, характерная для проекта Г.В.Флоровского, по-прежнему сохраняется в рассмотрении коммуникации православными мыслителями и оказывается фундаментальной, часто расширяясь за счёт ещё одной составляющей – эстетики (в рамках т.н. «теоэстетики», «радикальной ортодоксии»). Но это тема уже будущих исследований.

Список літератури:

1. Аверинцев С.С. Солидарность поколений как фактор гражданской свободы / С.С.Аверинцев // Аверинцев С.С. Связь времён. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – С. 419-426.
2. Валлиер П. Пределы Предания [Электронный ресурс] / П. Валлиер. — Режим доступа: <http://www.kiev-orthodox.org/site/theology/1055/> .
3. Гаврюшин Н.К. Трансцендентальная экклезиология: протоиерей Георгий Флоровский / Н.К. Гаврюшин // Гаврюшин Н.К. Очерки русского богословия. — Нижний Новгород: «Глагол», 2005. — С.275–311.
4. Говорун К., архим. Экклезиология общения как общий язык церковных традиций [Электронный ресурс] / К.Говорун. - Режим доступа: <http://duhi-litera.com/wp-content/uploads/2014/10/GOVORUN-o.-Cyrill-Ekklesiologia-RUS-UspCht-2014.pdf>

5. Клеопов Д.А. Нарративная теория антропологического времени и смена парадигм [Электронный ресурс] / Д.А. Клеопов. — Режим доступа: synergia-isa.ru/?page_id=1367.
6. Ковшов М.В. Богословское значение категории общения (koinōnia) в посланиях святого апостола Павла [Электронный ресурс] / м.в.Ковшов. - Режим доступа: http://www.mpda.ru/site_pub/162434.html
7. Флоровский Г.В. Авторитет Древних Соборов и предания Отцов / Г.В. Флоровский // Флоровский Г.В. Избранные богословские статьи. — М.: «Пробел», 2000. — С.295–306.
8. Флоровский Г.В. Богословские отрывки / Г.В. Флоровский // Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация: избранные статьи / Сост., вст. ст. И.И. Евлампиева. — СПб.: РХГА, 2005. — С.441–459.
9. Флоровский Г.В. Евхаристия и соборность / Г.В. Флоровский // Путь: Орган русской религиозной мысли под ред. Н.А.Бердяева, при уч. Б.П. Вышеславцева, Г.Г.Кульмана. — Ноябрь 1929. — №19. — С.3–22.
10. Флоровский Г.В. Непрестанно молитесь / Г.В. Флоровский // Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация: избранные статьи / Сост., вст. ст. И.И.Евлампиева. — СПб.: РХГА, 2005. — С. 721–727.
11. Флоровский Г.В. Новые книги о Вл. Соловьёве / Г.В. Флоровский// Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. — Т.1. — Вып.7. — О.: Центральная типография, 1912. — С.237–254.
12. Флоровский Г.В. О последних событиях [Электронный ресурс]/ Г.В. Флоровский. — Режим доступа: http://krotov.info/library/21_f/lo/rovsky_008.html.
13. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский — Мн.: Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, «Харвест», 2006. — 608 с.
14. Флоровский Г.В. Рецензия на книги Вундта В. Введение в психологию. Пер. А. К-на, под ред. Ланге – Одесса, 1912; Вундта В. Проблема психологии народов. Пер. Н.Самсонова. – М.: 1912; Вундта В. Основы искусства. Пер. Н.К. Ядрышева. – Спб.: 1910 // Известия Одесского библиографического общества, 1913. – С. 226–227.
15. Флоровский Г.В.Соборность Церкви. Богочеловеческое единство и Церковь [Электронный ресурс] / Г.В. Флоровский. — Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/22/florovsky_bogoslovskie_statii_12-all.shtml.
16. Флоровский Г.В. Тварь и тварность [Электронный ресурс]/ Г.В. Флоровский. — Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/florovsky/creation/4.html>.
17. Флоровский Г.В. Эллинистический и римский разум в ранние века церкви / Г.В.Флоровский // Церковь и время. – С.96 – 108.